

ЕСТЬ имена, которые никогда не тускнеют. Им уготовлена счастливейшая участь памяти, не подвластной времени. Такой яркой личностью была и остается выдающаяся казахская певица, народная артистка СССР Куляш Байсеитова. «Как и большинство моих товарищей, — вспоминала народная артистка СССР Валерия Барсова, — я познакомилась с Куляш Байсеитовой во время Декады казахского искусства и должна сознаться, что эта молодая певица произвела на меня потрясающее впечатление. Куляш Байсеитова поразила и тронула всех нас какой-то исключительной непосредственностью своего таланта. Ее очаровательный голос сразу отличишь среди сотен других. Я не могла бы назвать певицу, с которой можно было бы ее сравнить, до такой степени высокий, легкий и прозрачный голос казахской певицы. Серебристый тембр этого голоса действительно напоминает песни птиц, и Куляш Байсеитова заслуженно, без малейшей натяжки и преувеличения, получила название «казахского соловья».

Родилась Куляш в семье Жасына Бенсова — сапожника из семиреченского аула. А можно сказать иначе: в семье акына, домбриста Жасына Бенсова, который своим искусством радовал людей на свадьбах и различных праздниках. Дар отца словно сфокусировался в ее непревзойденный талант.

Детский дом, где она жила и училась, опытно-показательная школа, только что открытый в те годы Казахский педагогический институт, который она, едва поступив, оставила, чтобы взять на себя заботу о матери и младшей сестре, делопроизводитель в Казахском краевом потребсоюзе... За этими биографическими приметами зрела и крепла страстная мечта посвятить себя искусству и искусством приносить людям радость.

Куляш посчастливилось оказаться в могучем поле притяжения социалистических преобразований: с победой Великого Октября в Казахстане началось стремительное развитие и расцвет культуры. Куляш жадно впитывала новое. Ее притягивал не только звук кобызы и домбры, но и баяна, фортепиано. Русский язык стал ее вторым родным языком, а европейская музыкальная культура — вторым художественным крылом. Не случайно в историю советского искусства она вошла и как непревзойденная Кыз-Жибек, и как замечательная пушкинская Татьяна.

В 1930 году она выходит на сцену Казахского государственного театра. Начинала с малых ролей, училась на этих маленьких ролях нелегкому актерскому искусству. Однажды

ЯРКИЙ ТАЛАНТ

К 70-летию со дня рождения Куляш Байсеитовой

заболела исполнительница главной роли. Куляш призналась, что отлично знает текст роли, хорошо представляет многие мизансцены.

Дебют прошел с большим успехом. Истремительно начался старт артистической славы. Это произошло потому, что талант был уже мобилизован к творческому взлету.

Вскоре по решению партии и правительства в Алма-Ате организуется музыкальная студия, и Куляш вместе с режиссером Шаниным, художником Ненашевым, актерами Джандарбековым и Байсеитовым составляют ее костяк. Готовится к постановке музыкальная комедия по либретто Мухтара Ауэзова «Айман — Шолпан». Первый спектакль, возвестивший о рождении музыкального театра, был дан 13 января 1931 года. Год спустя Куляш была удостоена почетного звания заслуженной артистки Казахской ССР. Так первая роль в музыкальной студии увенчалась громадным признанием. И это в двадцать три года. Еще через год ее награждают орденом Трудового Красного Знамени, а вскоре присваивают почетное звание народной артистки СССР, присваивают в числе первых, самых признанных корифеев советского искусства: Станиславского, Не-

мировича-Данченко, Качалова, Москвина, Корчагиной-Александровской, Щукина, Блюменталь-Тамариной, Неждановой, Литвиненко-Вольфмут, Саксаганского, Васаде, Хоравы. Ей тогда было всего лишь двадцать четыре года.

Каждая ее роль на сцене была самоожжением на костре Искусства. Сказанное применительно к ней — это не красное слово, а констатация факта. В каждой роли она выкладывалась до конца, и каждая роль становилась очередной взяткой высотой. В 1940 году Е. Брусиловский написал оперу «Золотая пшеница», где впервые главная женская роль исполнялась сопрано, а мужская — тенором. Куляш во что бы то ни стало решила спеть главную партию — партию Айши. До премьеры оперы оставалось два-три месяца, а для настоящей постановки голоса требовалось пять-шесть лет усиленных, кропотливых занятий. Поэтому, когда Куляш объявила, что через два-три месяца сможет петь партию Айши сопрано, композитор возразил ей: «За два года невозможно поставить голос, какими бы неограниченными возможностями он ни обладал».

Но Куляш верила в свои силы. Она не отказалась от своего намерения и с удвоен-

ной энергией работала над партией Айши. Она и раньше каждой новой роли отдавала себя, однако такое, когда из почти невозможного приходилось добиваться возможного, встречалось в ее творческой биографии впервые. В сутки она занималась не менее десяти часов. У нее хватило и терпения, и выносливости, и характера. И победа была одержана.

От каждой новой работы ее мастерство поднималось все выше и выше, порождая нарастающее восхищение слушателей. «Видные музыкальные специалисты страны, — пишет в своей автобиографической повести «На всю жизнь» народный артист Казахской ССР К. Байсеитов, — впервые слышавшие Куляш на Первой декаде казахского искусства в Москве в 1936 году, а затем ставшие очевидцами исполнения ею труднейших оперных партий из классического репертуара, были поражены, как за такой короткий срок она сумела вырасти и превратиться в певицу высокого класса, с замечательным профессиональным голсом, с большим мастерством исполняющей самые сложные женские партии».

Таковыми прежде всего следует назвать партии Баттерфляй в опере Пуччини «Чио-

Чио-Сан» и Татьяны в «Евгении Онегине» Чайковского. Эти работы Куляш делала в годы Великой Отечественной войны. Тогда почти все работали на износ, но самоотдача Куляш была поистине беспредельной. Наряду с названными партиями в военные годы она работала над партиями Нергиз из одноименной оперы азербайджанского композитора М. Магомасва (здесь ей впервые пришлось выступать в роли девушки другой национальности), Маро — в опере грузинского композитора З. Палиашвили «Данси» («Сумерки»), фронтовой медсестры Сайры в опере Е. Брусиловского «Гвардия, вперед», Ажар — в опере А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай»... Выезжала на фронт во главе концертной бригады. А еще была многогранная общественная деятельность, в том числе по созданию Алма-Атинской консерватории в 1944 году. В разные годы она была депутатом Верховного Совета республики, председателем Казахского театрального общества, членом Комиссии по Государственным премиям республики. За этим исполным перечнем повседневных дел было учащенное биение пульса жизни и творчества актрисы.

Пыле юбилей Куляш Байсеитовой совпал со знаменательными датами в жизни страны и республики — 60-летием образования СССР и 250-летием добровольного присоединения Казахстана к России. Рождение русско-казахского братства, братства всей нашей многонациональной семьи Страны Советов — решающий фактор расцвета культуры в Казахстане, в том числе оперного искусства (на скрещении национальных и европейских музыкальных начал), а в конкретном проявлении — благодатная почва для появления из среды казахов выдающейся оперной певицы. Символическая связь ее юбилея с юбилеем родной республики и страны видится еще и в том, что своим искусством она действительно формировала нравственные чувства, в первую очередь человеколюбие, патриотизм и интернационализм. Казахку Кыз-Жибек, азербайджанку Нергиз, грузинку Маро, татарку Алтыншаш, японку Баттерфляй, русскую Татьяну ее творческая природа воплотила одинаково правдиво, с достовернейшими национальными нюансами за счет не только феноменального дара перевоплощения, но и в силу наполненности культурой и чувств человека и художника-интернационалиста.

Я. ИСПАЕВ,
научный сотрудник НИИ
педагогических наук имени
Алтынсарина,
г. АЛМА-АТА.

НА СНИМКЕ: К. БАЙСЕИТОВА
(справа) и **Т. ХАНУМ** (снимок 1939 года).